

С Т А Т Ъ И

О НЕКОТОРЫХ ОТСТАЮЩИХ УЧАСТКАХ НАШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

B. K. ЯЦУНСКИЙ

В нашей современной исторической науке есть разделы, привлекающие пристальное внимание многочисленных исследователей, и есть такие участки, которые разрабатываются слабо, а то и совсем почти не подвергаются изучению. Было бы неправильным относить все такие отстающие участки к второстепенным в научном отношении. Среди них имеются и весьма значительные с научной точки зрения отдельные вопросы и группы проблем, отставание в разработке которых задерживает развитие нашей исторической науки в целом. Такие участки имеются в различных отраслях исторического знания. Дать в одной статье обзор всех их невозможно по недостатку места и, кроме того, непосильно для одного человека, так как не существует историка, обладающего достаточной для такой цели эрудицией во всех отраслях исторической науки.

Я остановлюсь в данной статье прежде всего на наиболее важных из отстающих участков в области социально-экономической истории, кроме того, затрону вкратце состояние изучения местной истории и вспомогательных исторических дисциплин. Местная историография в большей степени, чем историческая наука в целом, занимается социально-экономическими проблемами. Вспомогательные исторические дисциплины в той или иной мере необходимы при работе в каждой области исторического знания, в том числе и при разработке социально-экономической истории. Таким образом, названные участки исторической науки находятся между собой в научной связи, а у автора статьи за долгие годы работы накопились в данных областях наблюдения, которые, может быть, окажутся небесполезными для собратьев по профессии.

* * *

В первый же год существования Советского государства В. И. Ленин выдвинул вопрос о мероприятиях по развитию производительных сил страны. В апреле 1918 г. в «Наброске плана научно-технических работ»¹ В. И. Ленин уже поставил эту проблему. В статье «Очередные задачи Советской власти», написание которой относится к марта — апрелю 1918 г., он говорит о необходимости освоения природных ресурсов восточных районов Советской республики. План ГОЭЛРО, принятый VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г., был первым в истории СССР планом развития производительных сил страны. Проблема развития производительных сил стояла в центре внимания в шести пятилетних планах — предшественниках величественного семилетнего плана, принятого на XXI съезде КПСС. А на этом съезде в своем докладе о контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. Н. С. Хрущев указал в качестве главной задачи семилетнего плана в

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 288—289.

экономической области «всестороннее развитие производительных сил страны»². Огромное развитие производительных сил страны сделало возможным исключительные хозяйствственные успехи, достигнутые нашей Родиной за последние 40 лет. Экономические достижения были и будут базой успехов политических и культурных. Ведь именно поэтому В. И. Ленин назвал план ГОЭЛРО, первый в истории СССР план развития производительных сил страны, второй программой партии.

Казалось бы, историки советского общества должны уделять изучению развития производительных сил СССР весьма значительное внимание. Между тем, к сожалению, дело обстоит совсем не так. Конечно, нельзя утверждать, что историки советского общества игнорируют развитие производительных сил СССР. Но они посвящают этой проблеме очень мало внимания. Среди заметно растущей за последнее время литературы по истории советского общества книг, посвященных истории развития производительных сил, очень немного. Из монографий, вышедших до войны, следует отметить опубликованное в 1935 г. ценное исследование С. Г. Струмилина «Черная металлургия в России и СССР»; из вышедших в свет в послевоенные годы — книги И. А. Гладкова «В. И. Ленин и план электрификации России» (М., 1957) и «От плана ГОЭЛРО к плану 6-й пятилетки» (М., 1956), а также работы Г. Д. Бакулева «Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна» (М., 1955) и В. П. Данилова «Создание материально-технических предпосылок колхозизации сельского хозяйства в СССР» (М., 1957).

Впечатление о малом внимании исследователей к истории производительных сил получается и при просмотре статей в наших исторических журналах. За два последних года (1957 и 1958) среди статей и сообщений, напечатанных в журнале «История СССР» по истории советского общества были работы, в которых затрагивалась проблема развития производительных сил СССР³. Но эта проблема в большинстве из них затрагивается мимоходом, освещается бегло и неполно и притом за очень короткие отрезки времени. Так, в статье И. И. Коломийченко о создании тракторной промышленности в СССР собрано много фактов о трудностях строительства первых тракторных заводов, о партийной работе на строительстве, приводятся отрывочные данные об импортном и отечественном оборудования для заводов и о выпуске тракторов, бегло упоминается о посылке наших инженеров и рабочих за границу, говорится о количестве иностранных специалистов, работавших на заводах. Но читатель не получает ясного представления ни об основных этапах строительства, ни о ходе освоения техники производства тракторов. Значительно более четкой является статья И. Е. Зеленина о зерновых совхозах Дона и Северного Кавказа во второй пятилетке. Но, к сожалению, исследованием охвачен очень короткий отрезок времени.

В журнале «Вопросы истории» за 1957 и 1958 гг. была только одна статья, посвященная истории развития производительных сил, — статья П. В. Соловьева «Освоение Хибин и создание апатитовой промышленности в СССР» (1958, № 2). Со своей темой автор в основном справился.

Малая степень внимания историков советского общества к истории развития производительных сил особенно отчетливо видна на структуре

² Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 г., М., 1959, стр. 16.

³ См. И. И. Коломийченко. Создание тракторной промышленности в СССР (1957, № 1); Т. С. Александрова. Из истории освоения новой техники рабочими Москвы в годы 2-й пятилетки (1957, № 2); И. Е. Зеленин. Зерновые совхозы Дона и Северного Кавказа в годы 2-й пятилетки (1958, № 2); Ю. В. Арутюнян. Формирование механизаторских кадров колхозного производства в послевоенный период (1958, № 5); И. В. Антатова и М. И. Школьник. Из истории создания Магнитогорского металлургического комбината 1923—1931 гг. (1958, № 5).

учебников по этому периоду. В учебном пособии «История СССР. Эпоха социализма» на стр. 207—208 и 249, где крайне сжато сказано о плане ГОЭРЛО, нет ни слова об основных технико-экономических идеях этого плана, популяризации которых В. И. Ленин придавал большое значение. В дальнейшем изложении в учебном пособии кратко упоминается об осуществлении плана ГОЭРЛО, приводятся названия некоторых крупных электростанций и за отдельные годы сведения о выработке электроэнергии. И это все, что учащийся получает по истории электрификации СССР. Нет ни слова ни об энергосистемах, ни о передаче электроэнергии на все большее и большее расстояние, ни о теплофикации, ни об успехах в автоматизации управления электростанциями, ни о росте энергоооруженности советского рабочего и т. д. По семилетнему плану в области топливной промышленности «взят решительный курс на преимущественное развитие добычи и переработки нефти и газа»⁴. Этот курс подготовлен всем предшествующим развитием наших нефтяной и газовой промышленностей, открытием и освоением огромного нового района нефтеносных ресурсов Поволжья и Приуралья и открытием и началом освоения газовых месторождений Поволжья, Северного Кавказа, Украины и Бухары. Ведь сейчас новые районы дают около $\frac{3}{4}$ всей добычи нефти. В параграфе 1 главы 14 учебного пособия, посвященном экономике СССР к концу второй пятилетки, отмечено, что «в Башкирской АССР возник район крупной нефтяной промышленности, получивший название «Второе Баку» (стр. 477) и это все. Нет ничего обо всем последующем развитии: ни об огромной добыче нефти в Татарии с ее исключительными богатством нефтью, а также в Куйбышевской, Сталинградской и других областях, ни о том, как и почему «Второе Баку» так превзошло по размерам добычи «первое» Баку. О газовой промышленности совсем ничего не сказано. Проблеме развития производительных сил в области металлургии уделено в учебном пособии не больше внимания, чем их развитию в области энергетики. В пособии указано, что в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г. «О работе Уралмета» «со всей отчетливостью была сформулирована основная задача создания второй угольно-металлургической базы на Востоке страны» (стр. 394). Но зачем эта база понадобилась и каким способом планировали решить эту задачу, об этом пособие умалчивает. Затем приведена цитата из резолюции XVI съезда партии и сказано, что «в соответствии с этим съезд поставил задачу форсировать строительство Магнитогорского и Кузнецкого заводов и приступить к строительству других предприятий, входящих в систему Урало-Кузнецкого комбината» (стр. 395). В дальнейшем изложении бегло упомянуто, что в годы второй пятилетки «завершилось строительство второй угольно-металлургической базы СССР — Урало-Кузнецкого комбината» (стр. 447) и в конце книги в рассказе об успехах промышленности в пятой пятилетке упомянуто о постройке доменных печей на Орско-Халиловском комбинате (стр. 694) и об увеличении продукции Магнитогорским и Кузнецким заводами без ввода новых мощностей (там же). Вот буквально все, что читатель найдет в учебном пособии о развитии черной металлургии в восточных районах страны, которые в 1957 г. дали 47% общесоюзной выплавки стали, обогнав южную металлургию, доля которой с 68% в 1913 г. и 57% в 1940 г. упала до 45% в 1956 г.⁵. Ничего не сказано, в частности, в пособии о том, что самое понятие Урало-Кузнецкого комбината существенным образом изменилось⁶, что Кузнецкий завод ныне в основном рабо-

⁴ Н. С. Хрушев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, стр. 25.

⁵ ЦСУ. Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах, М., 1957, стр. 92.

⁶ Самый термин Урало-Кузнецкий комбинат ныне вышел из употребления в экономической литературе.

тает на сибирской руде, а заводы Южного Урала перешли с кузнецкого на карагандинский кокс. О развитии черной металлургии в Закавказье, Казахстане и Средней Азии читатель не вынесет из крайне отрывочных упоминаний учебного пособия никакого конкретного представления. Развитию производительных сил в других областях народного хозяйства в учебном пособии уделено не более внимания, чем проблемам энергетики и черной металлургии, и в ограниченных рамках настоящей статьи на этом нет надобности останавливаться. В обобщающих работах по истории советского общества в национальных республиках⁷ внимания к истории развития производительных сил не больше, чем в общесоюзном учебном пособии.

Я отмечал слабое внимание к истории производительных сил авторских коллективов, написавших сводные обобщающие работы по истории как СССР в целом, так и по отдельным республикам, отнюдь не с целью в какой-либо мере снизить значение этих пионерских трудов. Их написание при чрезвычайно малом количестве предшествующих монографических исследований было очень трудным делом. Их выход в свет является серьезным достижением советской историографии. Вполне естественно, что авторские коллективы не могли преодолеть узких мест в состоянии исследовательской работы.

Если мы обратимся как к работам на специальные темы, так и к обобщающим трудам по истории СССР эпохи капитализма и феодализма, то мы увидим там сходную картину. Социально-экономическая история обычно сводится к истории почти одних лишь производственных отношений, а производительным силам уделяется незначительное внимание. Проблема промышленного переворота, являющегося чрезвычайно важным этапом в развитии производительных сил в области промышленного производства, по отношению к России только в 1944 г. была по инициативе С. Г. Струмилина⁸ поставлена перед советскими историками. С той поры появилось несколько статей, в числе их и статья автора этих строк⁹. Проблема попала на страницы курсов истории народного хозяйства и учебника по истории СССР. Но сделано в данной области еще очень немного. Интересно отметить, что советские работы встретили активный отклик в Чехословакии, где Ярослав Пурш в целой серии статей¹⁰ подверг историю промышленного переворота в чешских землях¹¹ более подробному изучению, чем это успели сделать советские историки по отношению к России. В качестве итога своих исследований Я. Пурш подготовил к печати книгу по истории промышленного переворота в чешских землях.

⁷ См. посвященные советскому периоду тома коллективных обобщающих трудов по истории Украины, Белоруссии, Латвии, Молдавии, Туркмении.

⁸ В его чрезвычайно богатой по мысли книге «Промышленный переворот в России» (М., 1944).

⁹ 1) «Промышленный переворот в России» («Вопросы истории», 1952, № 12; в 1954 г. она переведена на польский язык в «Zeszyty Historyczne», № 6). 2) «Помещичьи сахарные заводы в России в первой половине XIX века». Сборник «Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952; 3) «Технический переворот в бумажной промышленности России в 30—50 гг. XIX века». Сборник «С. Г. Струмилину ко дню восемидесятилетия», М., 1957; 4) «Роль отечественного машиностроения в снабжении прядильным оборудованием русских фабрик в первой половине XIX века». «Исторические записки», т. 42; 5) «К вопросу о проблематике и методике изучения истории промышленного переворота в странах Восточной Европы» («Краткие сообщения института славяноведения», вып. 23, М., 1958 и одновременно в польском журнале: «Kwartalnik Historii Kultury Materiałowej», 1958, № 1; статья переведена также на румынский язык); 6) «Крупная промышленность России в 1790—1860 гг.»; «Очерки экономической истории России первой половины XIX в.», под ред. М. К. Рожковой, М., 1959.

¹⁰ О работах Я. Пурша см. в названной моей статье в «Кратких сообщениях Института славяноведения».

¹¹ Т. е. Чехия в узком смысле слова, Моравии и Чешской Силезии.

Другие вопросы истории производительных сил промышленности позднефеодальной и капиталистической России разработаны не лучше.

Несколько более внимательны к этой проблеме историки феодализма на его более ранней стадии и в особенности археологи. Значительное внимание ей, в частности, уделяется в труде Б. А. Рыбакова «Древнерусское ремесло» (М., 1948), в первом томе коллективного труда «История культуры древней Руси» (М., 1948). Следует также отметить специально посвященные производственно-техническим вопросам работы Б. А. Колчина («Черная металлургия и металлообработка в древней Руси», М., 1953; и др.) и Н. Т. Гудцова («История литейного производства в СССР», М., 1947).

В области истории сельского хозяйства дореволюционной России развитию производительных сил уделяется, пожалуй, еще менее внимания, чем их развитию в промышленности.

В выдающемся произведении советской историографии — труде Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» (т. I, М., 1946; т. II, М., 1958) много ярких страниц посвящено истории производительных сил, но все же основное внимание автора соответственно задачам исследования лежит в иной плоскости. В интересной книге Н. Л. Рубинштейна «Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века» производительные силы отнюдь не игнорируются, но они явно на втором плане. Больше других внимательны к этим вопросам советские историки сельского хозяйства Сибири¹². Из статей в журналах можно назвать, правда, весьма спорную по своим выводам статью И. Д. Ковальченко «Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в.» («История СССР», 1959, № 1). Советские историки усердно изучают, как угнетали и эксплуатировали крестьянин феодалы и капиталисты, с особым вниманием исследуется борьба крестьянства с угнетателями. Но мы в гораздо меньшей степени знаем, как крестьянин в прошлом жил, как он пахал на себя и на барина, как вел свое хозяйство. Комиссия по истории сельского хозяйства и крестьянства, основанная покойным Б. Д. Грековым¹³, поставила эти проблемы перед советскими историками и агрономами¹⁴. Это отразилось в содержании издаваемых Комиссией сборников «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства». Сборник II, вышедший под редакцией академика ВАСХНИЛ директора Всесоюзного Института растениеводства П. М. Жуковского, посвящен истории сельскохозяйственных культур¹⁵. Ряд статей по истории производительных сил в сельском хозяйстве опубликован также в I и III сборниках «Материалов». Следует отметить также работу Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства при Академии наук Армении. Комиссия объединила усилия историков и работников сельского хозяйства¹⁶. Но, конечно, поставленная проблема еще остается далекой от разрешения.

Таким образом, исследованием истории производительных сил мало занимаются как историки советского общества, так и историки, изучающие историю нашей Родины в период феодализма и капитализма. Иногда в объяснение такого невнимания историков к данной проблеме

¹² О них см. ниже.

¹³ Ныне Комиссия работает под руководством Н. М. Дружинина.

¹⁴ Постановка проблемы была сделана в моем докладе «Очередные вопросы истории земледелия в СССР» на сессии Отделения истории и философии АН СССР 27 февраля 1952 г., посвященной вопросам истории земледелия. Доклад напечатан в «Известиях АН СССР», серия истории и философии, 1952, т. IX, № 3. Центром по истории крестьянского движения в Италии был отдельной брошюрой издан в 1953 г. в Милане итальянский перевод этого доклада.

¹⁵ Данным сборником были охвачены не все основные сельскохозяйственные культуры. Его продолжением является четвертый сборник, подготовленный к печати.

¹⁶ О работе этой Комиссии см. в хронике научной жизни в журнале «История СССР» (1958, № 2).

сылаются на то, что изучение ее является делом не историков, а экономистов. С такого рода объяснением нельзя согласиться. Во-первых, нельзя изучать историю производственных отношений и надстроек явлений в отрыве от состояния производительных сил в данную эпоху, и фактически советские историки не делают этого. Они лишь мало изучают историю производительных сил. Во-вторых, если признать это изучение исключительным делом экономистов, тогда следует изучение истории права и государства (следовательно, и советского строительства) признать делом одних только юристов, изучение военной истории — исключительным делом специалистов военного дела, изучение истории культуры всецело предоставить литературоведам и искусствоведам и т. д. Тогда на долю историков останутся только история правительства и история народных движений.

Проблема истории производительных сил включает в себя ряд вопросов. При этом одни из них могут быть поставлены по отношению к трем общественно-экономическим формациям (феодализм, капитализм, социализм), а другие характерны только для какой-нибудь одной или двух из этих формаций.

На первое место среди этих вопросов я бы поставил исследование тех изменений, какие претерпевала в процессе исторического развития нашей Родины производительность труда. Этот вопрос, конечно, с различной степенью подробности может быть поставлен по отношению к периодам социализма, капитализма и феодализма.

Значение производительности труда в современном соревновании между странами социализма и капитализма хорошо видно из цифр о производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США, приведенных в докладе Н. С. Хрущева «Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов»¹⁷. В историческом развитии общества рост производительности труда имел также очень большое значение. Понимание этого вопроса отнюдь не было чуждо практическим руководителям промышленных предприятий еще в первой половине XIX в. Так, крупный специалист того времени А. Я. Вильсон, бывший в течение нескольких десятилетий директором казенной Александровской мануфактуры, еще в 40-х годах составил интересную ведомость о техническом прогрессе на этой мануфактуре с 1805 по 1841 г.¹⁸. В этой ведомости прослежены из года в год выработка пряжи на одного рабочего и на одно веретено и выход пряжи из пуда хлопка. Ведомость весьма наглядно показывает процесс освоения техники бумагопрядения на этом передовом предприятии того времени. Еще более отчетливо понимали историческое значение динамики производительности труда деятели монополистических объединений эпохи империализма. Так, горный инженер И. Гливиц, один из руководящих служащих синдиката «Продамета», в своей книге «Железная промышленность России» (СПб, 1911) опубликовал составленную им таблицу производственных показателей по черной металлургии Урала, Юга и Царства Польского в 1890, 1900 и 1909 гг. В числе показателей была и производительность труда. Эта таблица получила большое распространение в советской историко-экономической литературе¹⁹.

¹⁷ Н. С. Хрущев. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Доклад на пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1958 года, М., 1958, стр. 86.

¹⁸ Ведомость опубликована мною в «Археографическом ежегоднике» за 1957 г. в приложении к статье «О выявлении и публикации источников по социально-экономической истории России XVIII—XIX вв.». (Перевод статьи на польский язык печатается в журнале «Archeion»).

¹⁹ Поправки в таблице И. Гливица предложил А. Л. Цукерник в статье «К вопросу об использовании статистических данных о развитии русской металлургии»

В исторических сочинениях дореволюционной эпохи этот вопрос затрагивался редко. В советской научной литературе над изучением исторической динамики производительности труда много потрудился С. Г. Струмилин как в обоих своих исследованиях по истории черной металлургии, так и в работе о промышленном перевороте в России, а также в ряде статей, недавно объединенных в его «Статистико-экономических очерках» (М., 1958). Встречаются данные по динамике производительности труда и у некоторых других авторов, как, например, у названного выше Г. Д. Бакулева, у П. А. Хромова²⁰. Но в общем проблема изменений производительности труда в промышленности разрабатывается слабо, а динамика производительности труда в земледелии остается совсем не изученной. Значение же ее в экономической истории очень велико.

Наряду с производительностью труда человека для изучения истории производительных сил имеет большое значение также динамика производительности орудий труда и машин, а также динамика производительности земли, т. е. динамика урожайности сельскохозяйственных культур, в первую очередь, конечно, зерновых хлебов. Такие показатели, как коэффициент использования полезного объема доменных печей, расход условного топлива на один произведенный киловатт-час электроэнергии, процент механизированных работ в угольной промышленности и т. п. отчетливо выражают развитие производительных сил в промышленности.

Урожайность является чрезвычайно важным синтетическим показателем уровня развития производительных сил в земледелии. Из двух причин, определяющих уровень урожайности: почвенно-климатических условий и развития земледельческой техники,— второе играет ведущую роль. За тот короткий исторический период, за который мы располагаем хотя бы некоторыми данными об урожайности хлебов, природные условия не претерпели существенных изменений и, таким образом, динамика урожайности (если, конечно, не сравнивать урожаи за отдельные годы, а сопоставлять средние данные за более длительные промежутки времени порядка не менее пяти лет) является в основном следствием изменений в уровне сельскохозяйственной техники, другими словами — степени развития производительных сил в земледелии. Сведения об урожаях имеются в источниках, начиная с последних лет XVI в. В XVIII в. данные об урожае хлебов стали собираться правительством. В первой половине XIX в. были составлены картограммы средней урожайности хлебов в Европейской России с целью показа больших географических различий в уровне урожайности. Один из атласов, где была помещена такого рода картограмма — «Хозяйственно-статистический атлас», составленный в департаменте сельского хозяйства Министерства государственных имуществ, был напечатан, выдержал четыре издания (последнее уже после 1861 г.) и получил большую известность; второй, составленный в Министерстве внутренних дел Н. А. Милютиным, впоследствии известным деятелем реформы 1861 г., остался неопубликованным²¹.

В преобразованную эпоху был поставлен вопрос об изучении динамики урожайности. Из работ, посвященных этой проблеме, следует отметить ценное исследование А. Ф. Фортунатова «Урожай ржи в Европей-

(«Проблемы источниковедения», IV, М., 1955); он же приводит список советских авторов, перепечатавших или использовавших таблицу Гливица.

²⁰ П. А. Хромов. «Экономическое развитие России в XIX—XX вв.», М., 1950, стр. 65—66. К сожалению, расчеты П. А. Хромова ошибочны. О его ошибке см. в моей статье «Отчеты департамента мануфактур и внутренней торговли как исторический источник». «Археографический ежегодник» за 1958 г. (В печати).

²¹ Характеристику этого атласа и обоснование авторства Н. А. Милютина (на рукописи автор не указан) см. в моей статье «Неопубликованный статистический атлас Мин. внутр. дел, 1850, составленный Н. А. Милютиным» («Вопросы географии», сб. 17, М., 1950).

ской России» (М., 1893), где было подвергнуто исследованию движение урожайности ржи за XIX в. До выхода в свет в 1914 г. атласа «Сельскохозяйственный промысел в России», изданного Департаментом земледелия, господствовало представление о стабильности уровня урожайности в России в течение XIX — начала XX в. В этом атласе было обосновано положение о росте урожайности хлебов после падения крепостного права. Это мнение встретило сочувствие специалистов²².

В советскую эпоху динамику урожайности изучали В. Г. Михайловский («Урожай в России 1801—1914 гг.» в «Бюллетене ЦСУ» за 1921 г. № 50), В. М. Обухов («Движение урожаев зерновых культур Европейской России в период 1883—1915 гг.» в сб. «Влияние неурожаев на народное хозяйство России», ч. I, М., 1927) и П. И. Ляшенко, подвергший анализу данные за 1801—1870 гг. в «Истории народного хозяйства СССР» (М., 1947).

Эти исследователи отмечают стабильность урожайности в первой половине XIX в. и ее рост в пореформенную эпоху.

Таким образом, для XIX — начала XX в. кое-что уже сделано. Но выявленную картину динамики урожайности можно считать лишь приблизительным наброском, нуждающимся в проверке, для чего необходима основательная критическая работа над источниками. Состояние урожайности в XVII—XVIII вв. изучено чрезвычайно слабо. Здесь необходима прежде всего большая работа по выявлению источников²³.

Значение проблемы урожайности для советской эпохи ярко показано в докладе Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1958 г.

Круг проблем, связанных с историей развития производительных сил, конечно, не ограничивается одной лишь проблемой производительности труда. Она включает также совокупность нескольких других проблем как по отношению к промышленности, так и по отношению к сельскому хозяйству.

Для истории развития производительных сил в советской промышленности особенно большое значение имеет история открытия и освоения сырьевых и топливных ресурсов. За минувшее сорокалетие, а в сособности за послевоенные годы, в этом отношении достигнуты колоссальные успехи. Выше уже упоминалось об этого рода достижениях в советской нефтяной и газовой промышленности и черной металлургии. К сказанному о черной металлургии можно добавить, что только за послевоенные годы разведанные запасы железных руд в СССР увеличились с 5 млрд. т на 1 января 1941 г. до 58 млрд. т на 1 января 1956 г.²⁴ Были выявлены огромные запасы железистых кварцитов (около 9 млрд. т) и высокосортных богатых железных руд (около 5—6 млрд. т) крупнейшего в мире железорудного бассейна — Курской магнитной аномалии, запасы нового крупного железорудного бассейна в Кустайской области в Казахстане (около 10 млрд. т.), нового Ангаро-Питского бассейна в Сибири (около 2 млрд. т:) и т. д. Эти открытия оказали решающее влияние на последующее планирование нашей черной металлургии. Когда возникла идея Урало-Кузнецкого комбината, он проектировался как соединение угля Кузнецкого бассейна с уральской рудой, так как Сибирь тогда считалась бедной железом и о колоссаль-

²² См., напр., А. А. Каuffman. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства, М., 1918, стр. 265.

²³ Об источниках см. мою статью «К вопросу о сопирании и публикации материалов по истории урожаев и цен в России» («Проблемы источниковедения», т. IV, М., 1955).

²⁴ «Железорудная база черной металлургии СССР» (Этот труд подготовлен под ред. И. П. Бардина Межведомственной постоянной комиссией по железу АН СССР совместно с Всесоюзным геологическим фондом Министерства геологии и с Государственным институтом по проектированию металлургических заводов Министерства черной металлургии СССР). М., 1957, стр. 65.

ных рудных богатствах Казахстана не было известно. С течением времени Кузнецкий завод все больше и больше переходил на местную рудную базу. Геологические исследования полностью опрокинули старое представление о бедности Сибири железом, и новые сибирские металлургические заводы проектируются в семилетнем плане на сибирском сырье. Соколово-Сарбайский железорудный комбинат Кустанайской области стал посыпать железную руду на заводы Южного Урала, так как рудные запасы последнего становятся уже недостаточными. Открытие и освоение новых природных ресурсов имело место в большинстве отраслей тяжелой промышленности. Стоит вспомнить Печорский уголь, никель Кольского полуострова и Норильска, лежащего в тундре Красноярского края, калий Соликамска, Хибинские апатиты и т. д. В до-советский период нашей истории освоение новых природных ресурсов происходило медленно. Но оно также имело большое значение для развития производительных сил страны. Достаточно указать на значение освоения железной руды Кривого Рога в конце XIX в. для последующей истории русской металлургии, железных и медных руд Урала для истории русской промышленности XVIII и первой половины XIX в. Нельзя сказать, чтобы наши специалисты по истории XVII—XVIII вв. совсем ничего не сделали для изучения истории освоения природных ресурсов нашей Родины. Н. В. Устюгов превосходно показал роль природных условий в истории Соликамской соляной промышленности в XVII в.²⁵. Б. Б. Кафенгауз исследовал первые шаги по освоению рудных богатств Урала²⁶. Их дальнейшее освоение является предметом работы молодого исследователя Н. И. Павленко, уже опубликовавшего интересную книгу по истории русской металлургии первой половины XVIII в.²⁷ и усердно работающего над источниками по ее истории во второй половине XVIII в. Но сделано все же очень немного. В частности, в ЦГИАЛ, в фондах Горного департамента и Корпуса горных инженеров, имеется очень много не тронутого исследователями материала о поисках железных руд в Донецком бассейне и о разведках угля в Донецком и Подмосковном бассейнах. Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде партии подчеркивает улучшение использования природных богатств страны (стр. 8) как крупное достижение советской промышленности, т. е. подчеркивает роль природных условий. Наши историки обычно (исключения, конечно, встречаются) избегают касаться темы о конкретной роли природных условий в историческом процессе, изображая его происходящим не в конкретной природной обстановке, а как бы в безвоздушном пространстве.

Для изучения истории развития производительных сил в промышленности большое значение имеет также исследование технико-экономической структуры предприятий, прогресса в их оснащении оборудованием, концентрации производства.

Для истории производительных сил в советском земледелии, кроме названных выше проблемы производительности труда в совхозах и колхозах и проблемы урожайности, узловыми являются еще четыре проблемы, тесно связанные с названными двумя.

В качестве первой из них можно назвать механизацию сельскохозяйственного производства. В развитии советского земледелия механизация играла и продолжает играть ведущую роль. Только благодаря механизации удалось освоить огромные пространства целинных земель.

В качестве второй проблемы можно назвать историю советской ирригации. Ирригация известна в нашей стране с весьма отдаленного

²⁵ Н. В. Устюгов. Соляная промышленность Соли Камской в XVII веке, М., 1957.

²⁶ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., М., 1949.

²⁷ Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в., М., 1953.

времени. Но советскую ирригацию трудно считать простым продолжением ирригации предшествующего исторического периода. Между ними существует большое различие количественного и качественного порядка. До революции ирригация применялась только в Средней Азии и Восточном Закавказье. Применялась преимущественно отсталая местная техника дедовских времен. Крупное инженерное строительство в области ирригации, принесенное в эти края капитализмом, получило применение лишь на Мугани в Азербайджане, в Голодной степи и в Мургабском оазисе в Средней Азии. В советскую эпоху площадь поливных земель в Средней Азии и в Закавказье была значительно расширена. Крупные ирригационные строительства получили широкое применение. Ирригация стала развертываться и в Европейской России, где ее раньше не было. Успехи ирригации играли крупнейшую роль в увеличении сборов хлопка, в превращении нашей страны из ввозящей около половины нужного для ее фабрик хлопка — в страну, вывозящую хлопок.

Третьей проблемой является история сельскохозяйственных культур и сельскохозяйственных животных. Это, конечно, в первую очередь история основных культур, таких как рожь, пшеница, лен, хлопок, кукуруза и основных видов сельскохозяйственных животных. Из сельскохозяйственных культур особенного внимания заслуживает кукуруза, играющая очень большую роль в поднятии советского земледелия. Кроме того, следует обратить серьезное внимание и на историю новых культур, которые до революции в России совсем или почти совсем не возделывались, как, например, культура чая.

Четвертой проблемой развития производительных сил советского сельского хозяйства является история севооборотов и систем полеводства.

Для истории производительных сил периодов капитализма и феодализма, узловые вопросы определяются техническими и социальными особенностями сельского хозяйства этих периодов. Проблемы производительности труда и урожайности, очевидно, должны быть поставлены и применительно к этим периодам. То же самое можно сказать и об истории сельскохозяйственных культур, а также севооборотов и систем полеводства. Конечно, исследование этих вопросов, особенно для феодального периода, будет ограничено состоянием источников. Применительно к капиталистическому, а тем более феодальному периоду не приходится говорить о процессе механизации сельскохозяйственного производства. Приходится ставить вопрос об истории земледельческих орудий и обусловленных ими приемов обработки почвы и сбора урожая. Ирригация в Средней Азии и в Закавказье до Октябрьской революции имеет вековую историю и, конечно, эта история вполне заслуживает изучения.

Исследование развития производительных сил в сельском хозяйстве, в особенности по отношению к феодальному периоду, требует большой предварительной работы по выявлению и критике источников. Ввиду ограниченных рамок статьи я сейчас не буду останавливаться на этой стороне проблемы²⁸.

В состав производительных сил входит, как известно, и население с его производственными навыками.

История населения является одним из наиболее отстающих участков нашей исторической науки. До революции историки сравнительно мало занимались этой проблемой²⁹. Лишь вопросам истории заселения территории России уделялось довольно значительное внимание. Но это уже больше историко-географическая проблема, чем вопрос истории

²⁸ Об этом см. в моей названной выше статье «Очередные вопросы истории земледелия в СССР».

²⁹ В качестве примера можно назвать работу М. В. Ключкова. Население России при Петре Великом, СПб., 1911.

населения. Статистики, занимаясь преимущественно вопросами демографии своего времени, иногда производили и исследования историко-демографического порядка. Первые исследования такого рода принадлежат крупному статистику первой трети XIX в. К. Ф. Герману. Его преемником в этом отношении был выдающийся статистик и географ первой половины XIX в., один из основателей Русского географического общества К. И. Арсеньев. Статистики конца XIX — начала XX в. в тех случаях, когда делали историко-демографические экскурсы обычно не углублялись далеко в прошлое, ограничиваясь хронологическими рамками капиталистической эпохи. После Октябрьской революции в первое время из под пера статистиков продолжали выходить, правда, весьма немногочисленные, работы такого рода. (См., например, Е. З. Волков. Динамика народонаселения СССР за 80 лет, предисл. С. Г. Струмилина, М., 1930). Но в 30-х годах выход их прекратился. Историки наши совсем не занимаются историей населения. До последнего времени в СССР в этой области работал один только А. Г. Рашин, хорошо известный в научной литературе своим фундаментальным трудом «Формирование рабочего класса в России» (первое издание 1940 г.; второе — основательно переработанное — 1958 г., оба издания под ред. С. Г. Струмилина). Он опубликовал в исторических журналах ряд статей по истории населения России в XIX — начале XX в., на основе которых написал книгу «Население России за 100 лет (1811—1913 гг.)»³⁰, вышедшую под редакцией и с предисловием С. Г. Струмилина в 1956 г. Из историков только автор этих строк, напечатал в нашем журнале³¹ небольшое исследование «Изменения в размещении населения Европейской России 1724—1916 гг.»³²

И это все!

В противоположность этому в зарубежных странах, как в капиталистических, так и в странах народной демократии, историей народонаселения много занимались в прошлом и усердно занимаются в настоящее время. Историей населения занялась даже Организация Объединенных наций. Комиссия по вопросам населения при этой организации издала ряд работ по этим вопросам, среди которых имеются и историко-демографические. В объемистом томе (404 стр. большого формата), под заглавием «The Determinants and Consequences of Population Trends» (N. Y., 1953), составленном группой из десяти авторов, не только имеется историко-демографическое введение, но и основная тема всего труда — соотношение между изменениями в населении и социально-экономическими условиями, систематически рассматривается в историческом аспекте с приведением многочисленных данных по истории населения. К книге приложены три интересные карты, показывающие точечным методом плотность населения земного шара в 1800, 1900 и 1950 гг. В обширной библиографии, приписанной к этому труду, среди более 2000 названий работ на различных языках, названо немалое число сочинений по истории населения.

В числе мероприятий по ликвидации описанного отставания в области исторической демографии, первоочередными можно считать для советского периода сопоставление материалов переписей 1926, 1939 и 1959 гг., для периода капитализма замену преувеличенных исчислений динамики населения за 1897—1917 гг. Центрального статистического комитета правильными исчислениями³³, для феодального периода из-

³⁰ Рецензия В. В. Покшишевского на эту книгу напечатана в № 1 журнала «История СССР» за 1958 г.

³¹ «История СССР», 1957, № 1.

³² Когда данная работа была уже в печати вышла в свет работа А. И. Копанева «Население Русского государства в XVI в.» («Исторические записки», т. 64).

³³ Для Европейской России в целом (к сожалению, без погубернских данных) эта поправка опубликована в 1916 г. известным нашим демографом, покойным С. А. Новосельским (1872—1953 гг.). Необходимо исчислить погубернские величины по всей России.

дание и обработку материалов ревизий XVIII и первой половины XIX в., а также переписных книг 1646 и 1678 гг. Сопоставление материалов переписей 1926, 1939 и 1959 гг. покажет огромные сдвиги в структуре и размещении населения³⁴, которые произошли за это время. Кропотливая работа по выявлению в архивах Москвы и Ленинграда материалов ревизий и по их источниковедческому анализу только что завершена молодыми историками В. М. Кабузаном и Н. М. Шепуковой. Издание поездных данных по всем десяти ревизиям потребует только одного тома. Хочется верить, что, несмотря на ограниченные возможности издания источников, сковывающие прогресс нашей историографии, все же публикация этих материалов окажется осуществимой. Материалы ревизий содержат сведения по сословным группам³⁵. Сословия тогда отражали социальный состав населения. Опубликование этих данных предоставит историкам возможность изучать историю населения России почти за полтора столетия, как в социальном, так и в географическом разрезе.

* * *

История производительных сил является главным, но далеко не единственным отстающим участком нашей исторической науки. К числу отстающих участков относится также история цен.

Не располагая материалами по истории цен, исследователь не в состоянии изучать динамику целого ряда крупных социальных явлений: заработной платы, крестьянских оброков, стоимости промышленной продукции, размеров внешней торговли, тяжести налогового обложения и т. д.

Кроме того, движение цен дает историку очень много для исследования истории структурных изменений в народном хозяйстве. Изменение соотношений цен на различные категории товаров объясняет многое в истории тех отраслей народного хозяйства, которые производят соответствующие товары. Например, падение, благодаря механизации производства, цен на хлопчатобумажные изделия было основной причиной бурного развития этой отрасли промышленности в Европе и Америке. В странах Западной Европы изучение истории цен началось еще в начале XVIII в. В 1707 г. в Англии Флитвуд опубликовал сочинение под названием *Chronicon preciosum*, в котором собрал данные за 600 лет о ценах на зерно, мясо, напитки, одежду, а также данные о заработной плате. Он сравнивает покупательную способность денег в 1450 г. и в начале XVIII в., учитывая содержание серебра в монете. Исследования на ту же тему экономистов Франции и Италии, живших несколько позднее Флитвуда, дают уже зародыш будущей теории индексов, занимающих такое видное место в современной статистической науке. В России в XVIII в. изучением цен занялся В. В. Крестинин, живший и работавший в Архангельске. В. В. Крестинин был очень интересным историком³⁶, деятельность которого до сих пор недостаточно изучена исследователями нашей историографии. В работе «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере», изданной Академией наук в 1779 г., он поместил таблицу цен на земельные участки в Двинском крае и таблицу цен на хлеб в Архангельске в XVII в.; ко второй таблице, для сравнения с

³⁴ Работу по сопоставлению размещения населения СССР в 1926 и 1939 гг. ведет С. А. Ковалев.

³⁵ См. отрывок из окладной книги по пятой ревизии в моей статье «О выявлении и публикации источников по социально-экономической истории России XVIII—XIX вв.» («Археографический ежегодник» за 1957 г.)

³⁶ О В. В. Крестинине как историке см.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, под ред. М. Н. Тихомирова, М., 1955, стр. 208, 219, 578. О его общественной деятельности см. статью У. М. Поляковой в журнале «История СССР» «В. В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60—90 гг. XVIII в.» (в № 2 за 1958 г.).

современным ему уровнем цен, им прибавлены данные о ценах на хлеб в Архангельске в 1777 г.

С этого времени в зарубежных странах накопилась огромная литература по истории цен. Особено много сделано в этом отношении в Англии, США и во Франции. Значительные достижения имеет польская историческая наука³⁷, давшая в этой области целый ряд серьезных исследований. На международных исторических конгрессах истории цен обычно посвящается значительное внимание.

В дореволюционной России историей цен занимались сравнительно мало. Центральное место в научной литературе по этой проблеме занимает известное исследование В. О. Ключевского «Русский рубль XVI—XVII вв. в его отношении к нынешнему»³⁸.

В советской науке история цен является забытым участком. Мы в этом отношении чрезвычайно сильно отстали по сравнению с другими странами. За последние десятилетия в данной отрасли можно отметить лишь книгу А. Г. Манькова «Цены и их движение в русском государстве XVI в.» (М.—Л., 1951), индексы цен XIX—начала XX в., опубликованные С. Г. Струмилиным³⁹, и статьи В. И. Шункова «География хлебных цен Сибири XVII в.»⁴⁰ и В. В. Дорошенко «Цены на продукты сельского хозяйства в Ливонии XV века»⁴¹. А. Г. Маньков собрал из монастырских приходно-расходных книг богатый материал по движению цен в России в XVI в. Его исследование вызвало большой интерес за рубежом и было издано в Париже во французском переводе. К сожалению А. Г. Маньков допустил ошибки в выводе средних величин⁴². Движение цен в XVII и в XVIII вв. остается чрезвычайно слабо изученным. Динамика цен в XIX в. известна лучше, но и здесь многое еще нуждается в исследовании. Изучение истории цен необходимо, наконец, наладить. Первоочередной задачей в этой области является тщательное выяснение динамики цен в XVIII в. В этом столетии, особенно в его второй половине, имел место значительный рост цен. Незнакомство с их динамикой чрезвычайно затрудняет изучение положения трудящихся и исследование социально-экономической истории этого периода вообще, нередко толкает историков к неверным выводам. Изучение истории цен XVII—XIX вв. требует большой работы в архивах по выявлению данных источников. На этой стороне дела я, по недостатку места, не буду останавливаться⁴³.

Колоссальный материал по динамике цен в СССР хранится в ЦСУ и в хозяйственных и плановых органах.

* * *

Отчасти за довоенные, а преимущественно за послевоенные годы, достигнуты большие успехи в разработке истории союзных и автономных

³⁷ См., например, 1) S. Hoszowski. Ceny we Lwowie w XVI—XVII w., 1928; 2) Его же. Ceny we Lwowie w l. 1701—1914, 1939; 3) I. Pełc. Ceny w Krakowie w l. 1369—1600, 1935; 4) E. Tomaszewski. Ceny w Krakowie w l. 1601—1795, 1934; 5) M. Górkiewisz. Ceny w Krakowie w l. 1796—1914, 1950; 6) W. Adamczyk. Ceny w Lublinie w l. od XVI do końca XVIII wieku, 1935; 7) Pełc. Ceny w Gdańsku w XVI—XVII w., 1937; 8) T. Furtak. Ceny w Gdańsku w l. 1701—1815, 1935; 9) Adamczyk. Ceny w Warszawie w XVI i XVII w., 1938; 10) S. Siegel. Ceny w Warszawie w l. 1701—1815, 1936; 11) S. Siegel. Ceny w Warszawie w l. 1816—1914, 1949. В этих работах собран большой фактический материал по истории цен.

³⁸ Впервые опубликовано в 1884 г. в Чтениях ОИДР. Перепечатано в «Опытах и исследованиях», сб. 1, М., 1912.

³⁹ Напечатаны в его книгах «Промышленный переворот в России» (М., 1944), и «История черной металлургии в СССР», т. 1, М., 1954.

⁴⁰ Опубликована в «Вопросах географии», сб. 31, М., 1953. Использована в книге В. И. Шункова «Очерк по истории земледелия Сибири (XVII в.)», М., 1956.

⁴¹ Напечатана в журнале «История СССР» (1959, № 2).

⁴² Ошибки эти отмечены в рецензии В. М. Панеяха на книгу А. Г. Манькова в журнале «Вопросы истории» (1952, № 12).

⁴³ Об этом см. в моей названной выше статье в «Проблемах источниковедения», т. IV.

республик. Но этого еще нельзя сказать об изучении местной истории краев и областей, хотя и в этой области есть достижения. Историческое краеведение, развивавшееся у нас в 20-х годах вместе с другими отраслями краеведения, как известно, в 30-х годах заглохло. Восстановление краеведческой работы вообще, а вместе с нею и исторического краеведения, к сожалению, идет медленно. Между тем на местах в университетах и педагогических институтах имеются многочисленные кадры историков. В большинстве областей и краев имеются педагогические институты, а иногда и университеты. В большинстве этих учебных заведений работают по несколько историков, имеются историки в архивах и музеях. Общее количество историков на местах, работающих в высшей школе и научно-исследовательских институтах, составляет несколько сот человек, не считая национальных республик. И эти кадры в настоящее время уже нельзя назвать молодыми ни по возрасту, ни по стажу работы в высшей школе. Следовательно, общественность уже вправе ждать от них научной работы по истории краев и областей, где они работают. Изучая местную историю на базе источников, хранящихся в областных архивах, местные историки могут создавать обоснованные в научном отношении труды. Это им делать подчас легче, чем разрабатывать темы общесоюзного характера, для которых им приходится собирать материал в спешке, во время краткосрочных командировок в Москву или Ленинград. Это не значит, конечно, что все местные историки должны заниматься только местными темами.

Десять лет тому назад, в 1949 г. автор этих строк, на основании анкеты, разосланной журналом «Вопросы истории» кафедрам истории СССР университетов и пединститутов РСФСР, УССР и БССР, защищенных диссертаций, материалов Министерства высшего образования СССР и Министерства просвещения РСФСР, данных об опубликованных книгах и статьях по истории СССР, а также по некоторым другим источникам, попытался описать состояние изучения местной истории в СССР⁴⁴. Собранный тогда материал показал, что малое внимание к местной тематике, наблюдавшееся в предвоенные годы, стало отходить в прошлое, что местные историки работают над местной историей, что в ряде мест (Свердловске, Иркутске, в меньшей степени в некоторых других городах) сложились уже очаги этой работы. В то же время собранный материал показывал обилие незавершенных тем, числившихся в планах научной работы. Среди этих незавершенных тем, вероятно, большинство или очень многие были темами, переносившимися планом из года в год и в конце концов оставшимися незавершенными. Лица, знакомые с практикой планирования научной работы в педагогических институтах, не сочтут это предположение чересчур пессимистическим. Как можно оценить достижения в области местной истории за прошедшие десять лет? Точный ответ на этот вопрос можно было бы дать лишь повторив обследование. Может быть, это и следует сделать. Пока такого обследования не произведено, можно лишь сопоставить печатную продукцию, имевшуюся на 1949 г. с имеющейся на 1959 г. Это сопоставление показывает, что в двух отношениях прогресс несомненно достигнут. Во-первых, заметно увеличилось число работ по истории революционного движения, в особенности в связи с юбилеями двух революций — 1905 г. и 1917 г.

Во-вторых, сильно продвинулась вперед публикация обобщающих работ по истории городов, интерес к которой был замечен уже в 1949 г. Вышли многотомники по истории Москвы и Ленинграда. Издано несколько десятков очерков по истории городов. В их числе имеются очерки истории как крупных промышленных и культурных центров, нередко с богатым

⁴⁴ Итогом этой работы была статья «Изучение местной истории в СССР», напечатанная в журнале «Вопросы истории» (1947, № 8). Перевод этой статьи на словацкий язык был издан отдельной брошюрой Словацкой Академией наук в 1951 г., что показывает интерес к этой проблеме за рубежом.

историческим прошлым (Минска, Львова, Иванова, Казани, Ростова-на-Дону, Одессы, Свердловска, Иркутска, Омска, Томска, Харькова, Смоленска, Тулы, Ярославля, Краснодара, Ставрополя, Курска и др.), так и маленьких городов (Гжатска, Ефремова, Белёва, Енисейска и др.). Одни из этих очерков невелики по объему и имеют популярный характер, другие представляют собою серьезные труды — коллективные («История Минска», изданная АН БССР, «История Свердловска» и др.) и индивидуальные, написанные местными историками, ранее напечатавшими уже ряд исследовательских работ по истории родного города («История Иванова» П. М. Экземплярского, «Казань» Н. Ф. Калинина, «История Иркутска» Ф. А. Кудрявцева и Е. П. Силина⁴⁵ и др.). Научное достоинство их, конечно, весьма различно. Но хотя очерков по истории городов выпущено у нас уже довольно значительное количество, конечно, это только начало очень большой работы.

По истории краев и областей или групп их, связанных в историческом или экономическом отношении, обобщающих работ пока еще не появлялось. Правда, уральскими историками выдвинута мысль о создании очерков по истории Урала. Были проведены совещания, выработан план издания. Но работа пока еще не развернулась. Конечно, выпуск такого труда по Уралу был бы очень хорошим примером для других краев.

Таким образом, резкое различие между разработкой истории отдельных национальностей, часто небольших по численности, и изучением истории краев и областей, осталось. У нас есть, например, книга по истории шорцев — маленького народа, численностью около 15 тыс. человек, живущего на юге Кузнецкого бассейна⁴⁶, но нет исторического очерка самого Кузнецкого бассейна — района, имеющего крупнейшее значение в жизни СССР. Идет довольно энергичная работа по истории Якутии и имеются уже сводные очерки ее истории⁴⁷. При участии как якутских, так и русских историков, развернулась работа по созданию многотомной истории Якутии. Но по истории Сибири, частью которой является Якутия и которая превосходит Якутию по населению примерно в 40 раз, советских сводных трудов нет и никакой работы в этом направлении не ведется. Чрезвычайно желательным является поэтому организация при Сибирском отделении АН СССР центра по изучению истории Сибири.

Размах работы по истории национальных республик должен служить примером для историков краев и областей с русским, украинским и белорусским населением.

До войны по инициативе А. М. Горького было организовано составление исторических очерков отдельных фабрик и заводов. Были напечатаны «История Путиловского завода», «История Ижорского завода», «Были горы Высокой» (рассказ старых рабочих Высокогорского железного рудника) и др. В 40-х годах работа по созданию исторических очерков фабрик и заводов заглохла; она возобновилась в 1956 г. по инициативе заводских коллективов Ленинграда. 21 мая 1958 г. в «Правде» было напечатано письмо в редакцию группы историков (в основном работников Института истории АН СССР), авторы которого, рассказав кратко о ходе этой работы в Ленинграде, Москве, на Урале, на Украине и в других местах, призывали к ее широкому развертыванию.

23 мая 1958 г. «Правда» поместила информацию о мероприятиях, проведенных в этом отношении в Ленинграде. Работу по истории фабрик и заводов следует, конечно, всемерно расширять. Крайне желательно при этом, чтобы при составлении таких исторических очерков авторы уделяли серьезное внимание истории производства на данном предприятии.

⁴⁵ Во втором издании умершего Е. П. Силина заменил Г. А. Вендрих.

⁴⁶ А. Потапов. Очерки по истории Шории, 1936.

⁴⁷ История Якутской АССР, т. I, II, М.—Л., 1955—1957.

Аналогичным образом желательно было бы написание очерков истории выдающихся совхозов и колхозов⁴⁸.

Несомненно оправданной является публикация исторических обзоров деятельности выдающихся опытных сельскохозяйственных станций, таких, как Шатиловская Орловской области или Хибинская на Кольском полуострове. Основанная пионером полярного земледелия И. Г. Эйхфельдом, ныне президентом Эстонской АН и Председателем Верховного Совета Эстонской ССР, эта станция много сделала для продвижения земледелия на север, и по ее примеру был создан ряд опытных станций в Заполярье. Для истории развития производительных сил в земледелии исторические очерки деятельности выдающихся сельскохозяйственных учреждений дадут много.

Конечно, разработка частных тем по истории отдельных местностей должна продолжаться самым энергичным образом.

Само собой разумеется, что все сказанное выше о необходимости резко усилить внимание к истории развития производительных сил, полностью относится к работам по местной истории. В некоторых из работ такого рода, а именно в книгах В. И. Шункова «Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII в.)», В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня» истории производительных сил уделяется значительное внимание.

Изучение местной истории в любой стране, а в особенности в такой, как наша Родина, со свойственным ей большим разнообразием исторических условий, является научной основой для исследования истории страны в целом. Кроме того, разработка местной истории способствует развитию любви к Родине.

За рубежом, в особенности в таких странах, как Германия и США, изучение местной истории чрезвычайно развито. В США существуют исторические общества в каждом штате и во многих городах и графствах. Из 146 исторических журналов⁴⁹, выходящих в США, большинство издаются историческими обществами отдельных штатов, а также некоторых городов и графств, и являются органами по истории этих территориальных единиц.

Разработка местной истории — нужное дело и с научной, и с воспитательной точки зрения. Помимо научных работников, к нему следует привлечь учителей-историков. Темпы расширения и углубления этой работы должны быть значительно ускорены. Но для успешной работы в данной области необходимым условием является возможность публикации научной продукции. Позаботиться об этой стороне дела — долг местных издательств. В их руках в значительной мере находится будущее нашей краевой историографии.

* * *

Историческая география в ее традиционном понимании, когда ее задачи ограничивались размещением на карте политических границ и мест исторических событий, обычно включалась в круг вспомогательных дисциплин. При современном понимании содержания этой дисциплины⁵⁰,

⁴⁸ Издательством сельскохозяйственной литературы издано несколько исторических очерков колхозов (колхозов «Красный Октябрь» Кировской области, «Украина» Хмельницкой области и др.).

⁴⁹ Эта цифра, возможно, не вполне точна, так как мой подсчет сделан по библиографическим справочникам об американских периодических изданиях. Там могли быть пропуски, а, с другой стороны, возможно, что некоторые из названных там журналов закрылись. Но большой точности в данном случае и не требуется.

⁵⁰ Это понимание было изложено в статьях автора этих строк: 1) «Предмет и метод исторической географии» («Историк-марксист», 1941, № 5); 2) «Историческая география как научная дисциплина» («Вопросы географии», сб. 20, М., 1950) и 3) в его книге «Историческая география» (М., 1955). Это понимание было сочувственно встречено не только в СССР, но и в странах народной демократии. Первая статья была переведена на чешский язык, а вторая — на китайский, польский и чешский языки.

когда, кроме названных проблем, она занимается также изучением размещения населения и хозяйства в историческом прошлом, историческая география вырастает уже в особую ветвь исторического знания, «родственную», с одной стороны, экономической истории, с другой стороны,— экономической географии. Ее роль как вспомогательной дисциплины, конечно, этим расширением ее значения не уничтожается. Историческая география принадлежала и принадлежит к числу «забытых дисциплин». Еще в 1941 г., в послесловии к статье автора этих строк «Предмет и задачи исторической географии», редакция журнала «Историк-марксист» писала: «Положение дела с исторической географией в наших научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях совершенно неудовлетворительно. Редакция журнала считает, что Комитету по делам высшей школы, Наркомпросам, университетам следует принять необходимые меры к изменению существующего положения в деле изучения исторической географии в высших учебных заведениях. Наши исторические научно-исследовательские учреждения должны внести, наконец, в свои планы разработку проблем исторической географии»⁵¹. С той поры положение не изменилось. Правда, несколько лет тому назад, благодаря стараниям М. Н. Тихомирова, преподавание исторической географии введено в Московском университете. Но зато руководство Историко-архивного института, единственного учебного заведения страны, где историческая география преподавалась еще с довоенного времени, при последнем пересмотре учебного плана, решило с будущего года снять ее с этого плана, избрав в качестве жертвы при сокращении сетки учебных часов. В Институте истории АН СССР тема по исторической географии появилась только в семилетнем плане. В данное время из, примерно, 500 человек (вместе с Ленинградским отделением) штатных сотрудников Института, нет ни одного ведущего плановую работу в данной области. Научною работою в области исторической географии у нас занимались и занимаются только отдельные «кустари-одиночки». В числе их следует прежде всего назвать М. Н. Тихомирова⁵², Б. А. Рыбакова⁵³, С. В. Бахрушина⁵⁴, А. Н. Насонова⁵⁵, И. А. Голубцова⁵⁶, А. И. Копанева⁵⁷.

Отделение истории географических знаний и исторической географии Московского филиала Всесоюзного географического общества начиная с 1947 г. ставит на своих заседаниях доклады таких «кустарей-одиночек» как историков, так и географов и выпустило три сборника «Вопросов географии» со статьями по исторической географии⁵⁸, написанными на основе этих докладов. Но Всесоюзное географическое общество является

Написанная по просьбе кафедры экономической географии Китайского народного университета в Пекине статья «К вопросу о месте историко-географического анализа в страноведческих работах по экономической географии» напечатана на китайском и русском языках. («Известия АН СССР», серия географическая, 1956, № 3).

⁵¹ Историческая география тогда преподавалась только в одном Историко-архивном институте.

⁵² 1) «Список русских городов дальних и ближних» («Исторические записки», т. 40); 2) «Древнерусские города», изд. 1, 1946; изд. 2, 1956 и др.

⁵³ 1) «Русские земли по карте Идриси 1154 г.» («Краткие сообщения ИИМК», вып. 43, М., 1952); 2) «Поляне и северяне» («Советская этнография», сб. 6—7, М., 1947); 3) «Уличи» («Краткие сообщения ИИМК», вып. 35, М., 1950); 4) «Деление Новгородской земли на сотни в XIII в.» («Исторические записки», т. 2) и др.

⁵⁴ 1) «О территориальном разделении труда в XVI — начале XVII в.» («Научные труды», т. I, М., 1952); 2) «Очерки по истории колонизации Сибири» («Научные труды», т. III, ч. 7, М., 1955).

⁵⁵ «Русская земля и образование территории древнерусского государства», М., 1951.

⁵⁶ «Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI — XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII в.» («Вопросы географии», ст. 20) и др.

⁵⁷ «История землевладения Белозерского края XV—XVI в.», М., 1951.

⁵⁸ Сбор. 20 «Историческая география СССР», под ред. В. К. Яцунского, М., 1950; сбор. 31 «История географических знаний и историческая география», под. ред. Н. Н. Баранского и В. К. Яцунского, М., 1953; сбор. 50 «Историческая география», под ред. В. К. Яцунского (в печати).

научным обществом и финансировать работу своих членов оно не может. Поэтому его возможности чрезвычайно ограничены.

Совершенно иную картину мы видим в странах народной демократии. В Польше из 140, примерно, работников Института истории Академии наук вопросами исторической географии занимаются 14 человек, в Чехословакии — из общего количества сотрудников Института истории Академии наук, несколько превышающего 60 человек, в отделении исторической географии работают 5 сотрудников.

За время, прошедшее после Октябрьской революции, размещение населения и хозяйства СССР коренным образом изменилось. Экономико-географы интересуются современным размещением населения и хозяйства СССР. Они при этом сравнивают современное размещение с дореволюционным, но как происходили изменения, как из дореволюционной экономической картины получилась современная, этого они не исследуют. Этого никто не изучает. Исследовать это — дело историков. Ведь понять социально-экономическую историю СССР вне этих изменений нельзя.

Изменения социально-экономической географии нашей Родины за досоветский период ее истории остаются совершенно не изученными.

В Польше и Чехословакии в качестве центральной задачи в области исторической географии поставлено создание научного академического исторического атласа этих стран. В Польше только что вышел первый выпуск этого атласа⁵⁹, составленный под руководством возглавляющего всю работу по созданию атласа профессора Станислава Гербста, председателя Польского исторического общества. В предисловии к атласу редактор указывает, что задачей атласа является дать картину географии производительных сил и производственных отношений прошлого. В первом выпуске, где помещены карты Плоцкого воеводства в конце XVI в. эта задача выполнена по отношению к названной территории и эпохе. Этот атлас представляет для нас большой методический интерес.

СССР не располагает научным историческим атласом. У нас имеются только учебные атласы. Между тем для такой страны, как наша Родина, с ее разнообразием исторических условий, научный атлас особенно необходим. Институт истории АН СССР должен поставить перед собою эту задачу — задачу очень сложную и очень важную в научном отношении.

* * *

Каждая наука имеет свойственную ей технику научного исследования. Есть своя исследовательская техника и у исторической науки. Эта техника опирается на так называемые вспомогательные исторические дисциплины. Нередко историк может правильно истолковать документ только при помощи палеографического анализа⁶⁰. Многие вопросы истории производительных сил и производственных отношений такие, например, как тяжесть для крестьян феодальной продуктовой ренты, величина цен на товары, не могут быть правильно разрешены без помощи метрологии⁶¹. Без помощи нумизматики⁶² нельзя изучать историю денег феодального периода. Без знания правил археографии нельзя верно передать текст исторических документов при их издании. Без знания хронологии⁶³ историк часто не сможет правильно определить даты исторический событий.

⁵⁹ «Atlas Historyczny Polski. Województwo Płockie około 1578», Warszawa, 1958. Я надеюсь иметь возможность на страницах журнала «Вопросы истории» ознакомить историков с этим атласом.

⁶⁰ Л. В. Черепинин. Русская палеография, М., 1956, (Введение).

⁶¹ См. Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии. «Исторические записки», т. 19.

⁶² См. В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период, М., 1956.

⁶³ Л. В. Черепинин. Русская хронология, М., 1944.

Особенно большое значение имеет источниковедение⁶⁴. Только опираясь на знание источников и обладая навыками их научного анализа, историк может прийти к правильным научно-обоснованным выводам. Не владея вспомогательными дисциплинами, историк, хотя бы он и был вполне подготовлен в теоретическом отношении, будет так же беспомощен в научной работе как биолог, не умеющий обращаться с микроскопом. Но, к сожалению, недооценка вспомогательных дисциплин — весьма распространенное явление среди историков. В высшей школе, за исключением лишь Историко-архивного института, где есть кафедра вспомогательных исторических дисциплин, и весьма немногих университетов⁶⁵, они совсем не преподаются. В Академии наук СССР научная работа по вспомогательным дисциплинам ведется в секторах публикаций источников и источниковедения Института истории и в Археографической комиссии при Отделении исторических наук. Комиссия издает Археографический ежегодник. Органом Института истории по вспомогательным историческим дисциплинам являются «Проблемы источниковедения». Но пока работа еще не вполне развернулась. С недооценкой вспомогательных дисциплин должно быть покончено самым решительным образом. Ознакомление студентов историков с этими дисциплинами следует резко усилить. Академия наук СССР должна взять на себя роль научного центра по вспомогательным историческим дисциплинам. В области источниковедения необходимо широко развернуть двоякого рода работу. С одной стороны, следует организовать систематическую работу по выявлению и описанию источников по основным проблемам. Весьма полезным делом будет, кроме того, составление и публикация кратких, а в отдельных случаях и более подробных характеристик важнейших фондов. Стоит вспомнить работу Н. Н. Оглоблина «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» (тт. 1—4, М., 1895—1902), чтобы оценить ту большую помощь, какую могут оказать историку подобного рода описания. Более подробные характеристики фондов могли бы выходить отдельными изданиями, краткие — печататься в «Археографическом ежегоднике» и «Проблемах источниковедения». (Это издание, к сожалению, по причинам, не зависящим от Института истории АН СССР, выходит очень редко).

Другим направлением источниковедческой работы является разработка приемов анализа исторических источников. Следует подчеркнуть серьезное научное значение этого вида работы.

Особенно большое значение имеет источниковедческая работа в обоих названных направлениях для историков советского общества, по отношению к которому эти вопросы только недавно стали разрабатываться.

Говоря о вспомогательных исторических дисциплинах, особенно нужных при разработке проблем социально-экономической истории, следует остановиться на применении статистического метода в историческом исследовании. Конечно, и в других отраслях исторической науки иногда является необходимость в обработке статистических данных. Но при изучении вопросов социально-экономической истории это встречается особенно часто. Первое требование, которое приходится предъявлять историку, обрабатывающему статистические данные прошлого, — это знание им хотя бы элементарных основ статистической науки. К сожалению, бывают случаи, когда, не дав себе труда с ними ознакомиться, историки делают грубые ошибки в обработке материала. Такие случаи бывали

⁶⁴ См. М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., М., 1940; С. А. Никитин. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов), М., 1940; В. Г. Стрельский. Джерелознавство історії СРСР. Период імперіалізму, Київ, 1958.

⁶⁵ Лучше обстоит дело в университетах — Московском, где имеется кафедра источниковедения, и Киевском, имеющем кафедру источниковедения и архивоведения. Известное внимание к этому делу проявляют также Ленинградский и Львовский университеты

в прошлом⁶⁶ и бывают в наши дни. Один пример такого рода уже был приведен выше (см. стр. 29). Но вопрос является несколько более сложным, чем только обязательность серьезного знакомства со статистикой для тех историков, которые в своих работах прибегают к обработке статистических материалов прошлого. Встает вопрос о способах преодоления тех специфических трудностей, с которыми встречаются исследователи при обработке этих материалов. Встает вопрос о границах применения статистического метода при изучении исторических явлений. Всю эту совокупность проблем за рубежом иногда объединяют термином «историческая статистика». По этой проблеме там накопилась уже некоторая литература⁶⁷. На VIII съезде польских историков в Кракове в сентябре 1958 г., где автор данной статьи был представителем Отделения исторических наук АН СССР, ему пришлось принять участие в довольно оживленной дискуссии по названной проблеме в секции съезда по экономической истории.

У нас вопрос о характере применения статистического метода в исторической науке впервые был поставлен в начале XX в. Из работ этого времени наиболее значительными являются работы крупного буржуазного статистика А. А. Кауфмана⁶⁸. В последующее время интерес к этой проблеме заглох и у историков, и у статистиков. В наши дни появляются признаки возрождения интереса к методической стороне использования статистических данных прошлого⁶⁹. Крайне желательно, чтобы проблема «исторической статистики» подверглась серьезной разработке на основе марксистско-ленинской методологии. Необходимо введение статистики в круг вспомогательных дисциплин для всех тех историков, которые имеют дело со статистическими данными прошлого.

Оживление работы на указанных выше отстающих участках нашей исторической науки несомненно окажет благоприятное влияние на ее развитие в целом.

⁶⁶ См. В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. 3, изд. 2, СПб., 1911, стр. 482. В. И. Сергеевич замечает по поводу неправильно составленной одним из историков того времени статистической таблицы: «Составленная же им таблица ровно ничего не доказывает, кроме полной его неопытности по части статистических выкладок, совершенно, впрочем, извинительной, ибо изучение статистики для общих историков в наших университетах так же необязательно, как и ознакомление с элементарными понятиями права». К сожалению, и в наше время студентов-историков не знакомят ни со статистикой, ни с правом.

⁶⁷ См. Witold Kula. Statystyka Historyczna, s. a.

⁶⁸ 1) Отзыв о работе Н. Н. Нордмана «Статистика в русской истории. Опыт статистической обработки писцовых новгородских оброчных книг около 1498 г.» (рукопись) напечатан в «Отчете о 53 присуждении наград графа Уварова», СПб., 1912; 2) «Новгородские писцовые книги в статистической обработке», Пг., 1915; 3) «К вопросу о приемах историко-статистического изучения писцовых книг». «Русский исторический журнал», кн. 3—4, 1917.

⁶⁹ См. А. Ц. Мерзон. Устюжские таможенные книги XVII в. «Проблемы источниковедения», VI, М., 1958; а также рецензию А. И. Копанева на книгу Л. В. Даниловой «Очерки по истории землевладения и хозяйства в новгородской земле в XIV—XV вв.» (М., 1955) («Вопросы истории», 1956, № 10).

